

Гродненскія Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ по воскресеньямъ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Адресъ Редакціи—*Духовная Консисторія.*

Годъ IX-й. 15-го ноября 1909 г. № 45 и 46.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ № 6

съѣзда о.о. депутатовъ духовенства Гродненской епархіи, состоявшійся мая 26 дня 1909 года.

Слушали:

Заявленіе нѣкоторыхъ о.о. депутатовъ слѣдующаго содержанія: протоколомъ съѣзда духовенства 1909 года было постановлено, чтобы причты платили $^{1}/_{3}$ часть страховой преміи по застрахованію отъ огня причтовыхъ строеній. Обложеніе сельскихъ причтовъ платой $^{1}/_{3}$ части страховой преміи за причтовыя постройки, при весьма тяжеломъ положеніи причтовъ въ матеріальномъ отношеніи, является весьма обременительнымъ. Сельскій причтъ не есть собственникъ причтовыхъ строеній, а

только временный жилецъ, которому приходится тратить свои средства на разныя ремонтныя работы для поддержанія означенныхъ строеній.

Постановили:

Покорнѣйше просить Его Преосвященство отнести всю страховую премію на средства церкви, освободивъ духовенство отъ этой платы.

По настоящему вопросу постановленіе епархіальной власти объявлено духовенству особымъ циркуляромъ отъ 28 октября с. г. за № 11599.

Къ свѣдѣнію и исполненію духовенства епархіи.

Вслѣдствіе письма на имя Его Преосвященства Предсѣдательницы Комиссіи по организаціи церковнаго сбора въ пользу пострадавшихъ на войнѣ солдатъ и ихъ семействъ отъ 5 октября 1909 года за № 123 и согласно резолюціи Его Преосвященства отъ 10 октября за № 3684, Гродненская Духовная Консисторія приглашаетъ духовенство Епархіи оказать свое содѣйствіе къ успѣшному сбору 3 и 6 декабря сего года пожертвованій на вышеозначенную благотворительную цѣль съ тѣмъ, чтобы, согласно отношенію Центральнаго Правленія общества отъ 28 оътября 1909 года за № 4798, суммы, имѣющія поступить отъ церковнаго сбора 5 и 6 декабря, по составленіи актовъ не были передаваемы уполномоченнымъ мѣстныхъ отдѣловъ, а были препровождены въ Консисторію для дальнѣйшей пересылки ихъ вмѣстѣ съ актами въ Центральное Правленіе Общества въ С.-Петербургъ.

Къ свѣдѣнію духовенства епархіи.

Комиссія по устройству въ с. Сакахъ, Евпаторійскаго уѣзда помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства имѣетъ честь довести до свѣдѣнія духовенства Гродненской епархіи, что, въ виду годъ отъ года увеличивающагося количества духовнаго вѣдомства, желающихъ жить въ Епархіальныхъ помѣщеніяхъ, въ виду ограниченнаго количества сихъ помѣщеній, а также въ виду того, что они работаютъ лишь въ теченіе трехъ лечебныхъ сезоновъ (съ мая по августъ), съ будущаго 1910 года помѣщенія эти будутъ сдаваться лицамъ духовнаго вѣдомства лишь на полную лечебную очередь (мѣсяцъ); льгота можетъ быть даваема больнымъ духовнаго вѣдомства лишь на два дня; желающіе жить въ Епархіальныхъ помѣщеніяхъ больше этого срока платятъ за номеръ впредь за весь слѣдующій мѣсяцъ и при томъ, при условіи, если этотъ номеръ не сданъ о. завѣдующимъ новому очередному сезонному больному. Духовенство военное никакими льготами въ Епархіальныхъ помѣщеніяхъ не пользуется, потому что въ Сакахъ существуетъ спеціальная военная грязелечебница, гдѣ военное духовенство и безъ того можетъ помѣщаться на льготныхъ условіяхъ наравнѣ со всѣми военными.

Къ исполенію духовенства.

Главный Совѣтъ Союза Русскаго Народа отношеніемъ отъ 28 октября 1909 г. проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы разосланныя въ церкви епрахіи воззва-

нія, надписи къ блюдамъ и акты по сбору пожертвованій 1-го октября 1909 г. на постройку св. храма въ память 300 лѣтія царствованія Дома Романовыхъ не пересылались обратно въ Главный Совѣтъ, а были бы использованы на тотъ же предметъ 1910 году.

О семъ Гродненская Духовная Консисторія поставляетъ въ извѣстность духовенство Епархіи для надлежащаго исполненія.

Освященіе церкви. 18-го октября 1909 года при многолюдномъ собраніи народа освящена кладбищенская Св.-Духовская церковь, сооруженная мѣстными средствами на приходскомъ кладбищѣ при селѣ Омеленцѣ, Брестскаго уѣзда, изъ матеріаловъ старой Омеленецкой церкви. Сооруженіе церкви обошлось всего въ 570 руб., изъ коихъ триста (300) руб. дано свѣчнымъ братствомъ Омеленецкой церкви.

Резолюціями Его Преосвященства:

отъ 2-го ноября с. г. за № 4021, назначены и. д. псаломщиковъ окончившіе Гродненскіе постоянные церковно-пѣвческіе курсы: 1) Романъ Харитонюкъ—къ церкви села Болоты, Кобринскаго уѣзда, 2) Іосифъ Макаръ—къ церкви м. Ружаны, Слонимскаго уѣзда, 3) Алексѣй Шевчукъ—къ церкви с. Острова, Сокольскаго уѣзда, Леонтій Петропавловскій—къ церкви с. Жерчицъ, Бѣльскаго уѣзда.

Отъ 2-го ноября за № 4018, окончившій Гродненскіе постоянные церковно-пѣвческіе курсы Ѳаддей Гедзъ назначенъ и. д псаломщика церкви с. Байки Пружанскаго уѣзда.

Отъ 2-го ноября за № 4024, протоіерей Малоельнянской церкви Николай Базилевскій освобожденъ отъ должности Каменецкаго благочиннаго, съ выраженіемъ ему благодарности Епархіальной власти за прежніе его труды, а и. д. Каменецкаго благочиннаго назначенъ членъ благочинническаго совѣта, священникъ Войской церкви Константинъ Тарановичъ.

Отъ 2-го ноября за № 4008, псаломщикъ Харсовской перкви, Брестскаго уѣзда, Левъ Вощинскій, для пользы службы, перемѣщенъ на вакансію псаломщика при церкви села Косичи, Брестскаго уѣзда.

Отъ 2-го ноября за № 4022, учитель Погодинской 2-хъ классной церковно-приходской желѣзнодорожной школы Максимъ Чижевскій назначенъ и. д. псаломщика къ Погодинской желѣзнодорожной церкви.

Отъ 4-го ноября за № 4007, и. д. псаломщика Великорытской церкви, Брестскаго уѣзда, Захарія Костюкевичъ уволенъ отъ должности, согласно прошенію, за принятіемъ его въ военную службу по набору.

Резолюціей Его Преосвященства отъ 5 ноября 1909 г. за № 4078, преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею установленныхъ граммать—прихожанамъ Песковской цоркви, Слонимскаго уѣзда, пожертвовавшимъ на ремонтъ приходскаго храма 540 руб, золоченную гробницу, стоимостью 160 р. и „Голгофу“, цѣною 110 р., а также священнику означенной церкви о. Іоанну Петорвскому—за его особые заботы и труды по украшенію храма.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

священниковъ: въ с. Косичахъ Брестскаго уѣзда, с. Альбѣ, Слонимскаго уѣзда, с. Накрышкахъ, того же уѣзда, с. Шудяловѣ, Сокольскаго уѣзда, съ совмѣщеніемъ должности уѣзднаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, съ вознагражденіемъ за это 360 руб.

Діакона: при Кобринскомъ соборѣ.

Псаломщиковъ: м. Андроновѣ, Кобринскаго уѣзда, гор. Пружанахъ при соборной церкви, с. Сидеркѣ, Сокольскаго уѣзда, с. Вороцевичахъ, Кобринскаго у., с. Харсахъ, Брестскаго уѣзда, с. Великорытѣ, Брестскаго уѣзда, м. Каменецъ-Литовсѣ, того же уѣзда, м. Сельцѣ, Пружанскаго уѣзда.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Управленіемъ 38-й артиллерійской бригады, расположенной въ Михайловскомъ штабѣ близь гор. Пружанъ, приглашается священникъ къ бригадной церкви, который могъ бы преподавать Законъ Божій въ учебной бригадной командѣ и школѣ подпрапорщиковъ, а также вести духовно-нравственныя бесѣды съ нижними чинами, съ платою 400 рублей въ годъ отъ бригады жалованья и квартиры съ отопленіемъ.

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Св. Димитрій Митрополитъ Ростовскій.

28-го октября вся Россія торжественно отпраздновала двухсотлѣтіе со дня кончины св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Это событіе отмѣчено въ печати рядомъ статей, посвященныхъ прославляемому святителю. Статьи обрисовываютъ величественный образъ св. Димитрія Ростовскаго, и какъ архипастыря и какъ церковно-государственнаго дѣятеля. Въ послѣднемъ отношеніи на долю св. митрополита Димитрія, равно какъ на долю и другихъ современныхъ Петру I іерарховъ, выпала трудная задача—разобраться въ смыслѣ преобразовательныхъ начинаній, касающихся не только государства, но и Церкви. Св. Димитрій въ принципѣ не былъ противникомъ петровскихъ реформъ; скорѣе онъ былъ сподвижникомъ Петра въ его дѣятельности по обновленію Россіи: онъ понималъ и цѣнилъ идеи царя-преобразователя и въ своихъ рѣчахъ разъяснялъ ихъ значеніе народной массѣ. Но онъ не былъ, однако, и слѣпымъ поклонникомъ реформъ Петра, отрицательно относясь къ протестантскимъ, голландско-нѣмецкимъ ихъ тенденціямъ

и къ рѣзкой стремительности ихъ проведенія. По убѣжденію Ростовскаго святителя, не все то было хорошо, что бралось съ запада, но и не все то плохо, что было въ дореформенной Руси, и самъ онъ стремился слить западное образованіе со старыми русскими церковными взглядами, съ привычнымъ православно-русскому человѣку настроеніемъ. Всѣ нововведенія въ русской жизни освѣщались въ душѣ его лучами глубокой вѣры, почему, замѣчаютъ „Моск. Вѣдомости“, (посвятившія памяти св. Димитрія нѣсколько статей въ № 246) онъ и „сдѣлался нашимъ русскимъ національнымъ святымъ“, какъ выразитель „идеаловъ не какихъ-либо отдѣльныхъ слоевъ, а всего русскаго народа“. Что касается архипастырскаго служенія, то святитель Димитрій принадлежитъ къ тому доблестному типу іерарховъ русской старины, которые и печаловались любящимъ сердцемъ о всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, и никогда не страшились мужественно обличать всякую неправду, включительно до несправедливаго гнѣва царя, которые пасомыхъ неуклонно призывали къ подвигамъ любви и милосердія, а пастырей къ достойному прохожденію своего званія, и которые усиленно заботились о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа: безсмертнымъ памятникомъ этихъ заботъ остались Четьи-Минеи св. Димитрія. Нельзя не отмѣтить и личной высоко-нравственной, „святой“, какъ охарактеризовалъ ее въ надгробной рѣчи Стефанъ Яворскій, жизни святителя. Это былъ аскетъ, жизнь котораго напоминала во многомъ жизнь первохристіанскихъ подвижниковъ, это былъ монахъ, дѣйствительно вѣрный своимъ обѣтамъ. Одинъ изъ сотрудниковъ „Моск. Вѣдом.“ г. Георгіевскій считаетъ необходимымъ особенно отмѣтить эту черту въ личности св. митрополита Димитрія.

Современники еще при жизни святителя Димитрія поражались его богоугодными подвигами, видѣли его „знатныя къ Богу и Церкви святой заслуги“. Особенно выдѣлялось нестяжаніе святителя. Послѣ него не осат-

лось никакого имущества, кромѣ книгъ и рукописей его и эти послѣднія, по предварительному его распоряженію, положены были съ нимъ въ гробъ, подъ главу его. Изъ духовнаго завѣщанія всѣ удостовѣрились, по словамъ житія его, что онъ богатъ былъ въ жизни одною нищетою евангельскою. „Никто же,—писалъ онъ въ завѣщаніи,—да трудится по смерти моей, испытуя или взыскуя какого-либо келейнаго моего собранія: либо ниже на погребеніе что оставляю, ни на поминовеніе, да нищета иноческая наипаче по кончинѣ явится Богу. Вѣрую бо, яко пріятнѣе Ему будетъ, аще и едина цата по мнѣ не останется, неже еда бы многое собраніе было раздаваемо". Къ этому святитель прибавилъ: „и аще мене тако нища никтоже восхощетъ обычному предати погребенію, молю убо тѣхъ, иже свою смерть памятствуютъ, да отвлекутъ мое грѣшное тѣло въ убогій домъ и тамъ, между трупіями, да повергнутъ е".

Существенный смыслъ празднованія юбилеевъ великихъ людей, особенно же людей святыхъ, такихъ какъ св. Димитрій Ростовскій, говоритъ еп. вологодскій Никонъ („Моск. Вѣд." № 228), заключается въ томъ, чтобы мы въ жизни своей подражали прославляемому, приложили всю нашу заботу къ тому, чтобы „то добро, какое мы въ немъ чевствуемъ, поглубже проникло въ нашу жизнь, тѣ завѣты, какіе оставилъ намъ незабвенный усопшій, жили въ сердцахъ позднѣйшихъ поколѣній" и осуществлялись ими въ своей жизни. Эта справедливая и всегда достойная памятованія мысль въ наши дни тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы живемъ во время, аналогичное до извѣстной степени тому, въ какое святительствовалъ Димитрій Ростовскій: во время реформъ, ломки стараго и перехода къ новому, во время колебанія устоевъ государственной и церковной жизни, во время оскудѣнія и вѣры, и церковности, и пастырскаго духа и силы, во время распространенія сектантства. Образъ святителя Димитрія для всѣхъ, особенно же

для предстоятелей Церкви, долженъ служить напоминаніемъ о лежащемъ на всѣхъ церковномъ долгѣ какъ въ жизни личной, такъ и общественной, и побудить, воодушевить къ его исполненію. Что же касается внѣшнихъ знаковъ почтенія къ памяти святителя Димитрія, то, наряду съ великолѣпною сѣнью къ мощамъ, лампадами, хоругвями, иконами и т. д., которыми, по газетнымъ извѣстіямъ, въ разныхъ городахъ готовятся почтить святителя, было бы поистинѣ достойно его памяти, благовременно и вмѣстѣ полезно для дѣла Церкви собрать капиталъ на изданіе и распространеніе по школамъ и въ народѣ его Четьихъ-Миней, надъ которыми св. митрополитъ Ростовскій трудился, въ видахъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа, всю жизнь. Заслуживающая полнаго сочувствія мысль о такого рода чествованіи святого юбиляра „подсказана“ была тому же преосв. Никону одной благочестивой старушкой. Преосвященный предлагаетъ иниціативу этого дѣла взять на себя московскому Братству Воскресенія Христова и самое дѣло организовать на пожертвованія частныхъ лицъ. Конечно, и такой путь можетъ быть испытанъ, но почему бы не взять на себя это почтенное дѣло самой церковной власти и не внести удешевленное изданіе Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго въ число книгъ, выпускаемыхъ синодальными типографіями.

(Изъ Церк. Вѣст. № 45).

Изъ очерковъ по исторіи русской педагогіи.

Идея національной школы.

Константинъ Димитріевичъ Ушинскій.

На ряду съ увлеченіемъ западной, нѣмецкой педагогіей у насъ появляется стремленіе создать самобытную

русскую народную школу, наряду съ общечеловѣческими идеалами воспитанія зарождаются идеалы національнаго воспитанія. Во главѣ этого движенія слѣдуетъ поставить **Константина Димитріевича Ушинскаго.**

Въ чудной мѣстности близъ Кіева, надъ Днѣпромъ, въ Выдубецкомъ монастырѣ, подъ широкимъ развѣсистымъ каштаномъ покоится прахъ К. Д Ушинскаго. Этимъ именемъ по справедливости гордится русская педагогика, и Ушинскій справедливо ставится на ряду съ лучшими подагогическими мыслителями Запада. Но важны не только идеи Ушинскаго и его теоретическіе труды, важна и его практическая работа на пользу родного просвѣщенія, любопытны и частныя обстоятельства его жизни, среди которыхъ выросъ и развился этотъ «другъ человѣчества».

Ушинскій родился (1824 г.) въ Малороссіи, въ помѣщичьей семьѣ Черниговской губерніи. Благопріятна была обстановка его дѣтскихъ годовъ. Здѣсь было, говоритъ проф. Маккавейскій, все, что нужно для перваго пробужденія и правильнаго раскрытія лучшихъ силъ человѣческой природы: и умный, образованный, вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и идеально честный отецъ, и всегда ласковая, любящая, посвятившая свои силы воспитанію сына мать, и матеріальный достатокъ, дававшій семьѣ возможность обставить свою жизнь спокойнымъ, тихимъ довольствомъ, и хорошая библіотека и, наконецъ, прекрасная природа. Это счастливое дѣтство заронило въ душу Ушинскаго первыя сѣмена гуманной чуткости, оставило по себѣ навсегда свѣтлыя воспоминанія. «Трудно выразить въ словахъ, говорилъ онъ самъ, то особенное, свѣтлое нѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родного семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевныя связи съ тою семьей, изъ которой вышли мы... и это глубокое семейное чувство пробуждается у насъ по временамъ, не смотря на толпу воспоминаній, про-

никнутыхъ горечью и желчью». Счастье покровительствовало Ушинскому, и когда его отецъ, по смерти первой жены, женился вторично, то мачиха Ушинскаго оказалась очень хорошею женщиной, замѣнившей ему родную мать.

Въ гимназіи (Новгородъ-Сѣверской) Ушинскій очутился тоже въ хорошихъ условіяхъ. Директоромъ гимназіи былъ Тимковскій—старый педагогъ и въ то же время человѣкъ религіозный, полный юношескаго идеализма и благоговѣйной вѣры въ науку. Любовью къ знанію онъ умѣлъ вдохновлять и питомцевъ своихъ, и Ушинскій потомъ всегда добрымъ словомъ вспоминалъ гимназію съ ея старымъ директоромъ.

Въ 1840 г. Ушинскій поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Послѣ блестящаго окончанія послѣдняго, онъ—двадцати двухъ лѣтъ отъ роду—дѣлается профессоромъ Ярославскаго юридическаго Лицея. Увлекая своими лекціями слушателей, Ушинскій, впрочемъ, недолго оставался въ Лицеѣ. Недовольный формализмомъ требованій тогдашняго учебнаго начальства онъ покинулъ Лицей. Обстоятельства вынуждаютъ его теперь заняться службою въ одномъ изъ Петербургскихъ департаментовъ; теперь же понемногу начинается и литературная дѣятельность Ушинскаго. Но скоро Ушинскій попадаетъ на свою настоящую дорогу. Въ 1855 г. онъ дѣлается преподавателемъ, а потомъ и инспекторомъ Гатчинскаго женскаго Института.

И литературными трудами, и успѣхами въ Институтѣ Ушинскій обратилъ на себя вниманіе, и ему предложили (1859 г.) должность инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго Института—«благородной и неблагородной» его половины, т. е. Института и Александровскаго при немъ училища.

Институтское образованіе у насъ тогда стояло очень низко, да въ это время и на Западѣ женское образованіе не стояло высоко.

Институтъ былъ совершенно закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, безъ отпуска домой воспитанницъ даже на каникулы; курсъ ученія былъ девятилѣтній. На первый планъ въ обученіи выдвигались языки, особенно французскій, затѣмъ музыка и танцы. Воспитаніе, имѣя своею цѣлію развитіе одной «бонтонности», сводилось въ сущности къ простой дрессировкѣ.

Ставя высоко человѣческое достоинство женщины и будучи горячо убѣжденъ въ высокомъ и отвѣтственномъ значеніи женщины, какъ *активнаго члена* семьи и общества, Ушинскій не могъ, конечно, примириться съ указаннымъ положеніемъ вещей въ Институтѣ. Со всею энергіей взялся онъ за преобразованіе Института.

Объемъ ученія въ обѣихъ половинахъ Института былъ уравненъ, и курсъ сокращенъ до семилѣтняго. Въ основу преподаванія былъ положенъ родной языкъ, и обученію былъ приданъ наглядный характеръ. Было выдвинуто, расширено и оживлено преподаваніе исторіи и географіи. Изученіе словесности и литературы было поставлено на практическую и единственно здравую почву изученія образцовъ. Кромѣ того, было положено начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся познакомиться съ педагогикой и въ теоріи, и на практикѣ. Весь учебный строй былъ проникнутъ теперь духомъ трудовой серьезности, который долженъ былъ заставить учениц понять, что ихъ умъ предназначенъ не для однихъ только легкихъ знаній и пріятныхъ занятій.

Въ дѣло воспитательное Ушинскій тоже хотѣлъ внести побольше простоты и естественности и сильно огорчался тѣмъ, что ученицы отрѣзаны отъ семьи и ея воспитывающаго вліянія. По его мысли, но уже послѣ его выхода изъ Института, было разрѣшено отпускать воспитанницъ на каникулы по домамъ.

Какъ и всякій новаторъ, Ушинскій встрѣтилъ въ Институтѣ массу противннковъ, массу враговъ, которые

въ борьбѣ привыкли не стѣсняться никакими средствами. Ушинскаго окружили клеветою, доносами, всевозможными непріятностями, и онъ скоро долженъ былъ покинуть Институтъ.

Теперь начинается самая оживленная пора его литературной дѣятельности. «Трудъ въ его психологическомъ и нравственномъ значеніи», «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи», «Родное слово»—вотъ, между прочимъ, статьи этого времени. Въ 1862 г. на цѣлыхъ пять лѣтъ Ушинскій, вмѣстѣ съ семействомъ, переселяется въ Швейцарію. Здѣсь онъ пишетъ свою Педагогическую Антропологію («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія) и свое знаменитое учебное руководство «Родное Слово». Еще раньше Ушинскій издалъ книгу для чтенія—«Дѣтскій Міръ». Теперь же въ «Родномъ Словѣ» онъ имѣлъ въ виду дать опытъ нагляднаго преподаванія родной грамоты, начиная съ обученія чтенію (по синкритическому пріему звукового метода) и оканчивая практическимъ изученіемъ элементарныхъ началъ грамматики. Издавая эту книгу, говоритъ Ушинскій, я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. Въ этой книгѣ я имѣлъ главною цѣлью помочь начинающему учить и въ особенности облегчить для матери трудъ первоначальнаго обученія. Насколько эта книга удовлетворяла своему назначенію, краснорѣчивѣе всего говоритъ статистика ея изданій. Послѣднее ея изданіе вышло въ 1908 г. и по счету оно является 137-мъ (всего—болѣе 5,000,000 экземпляровъ.

Истомленный чрезмѣрными трудами и непріятностями Константинъ Димитріевичъ, по возвращеніи изъ-за границы, плохо чувствовалъ себя, безпокоясь въ то же время и за судьбу своего мало обезпеченнаго семейства. Всѣ надежды онъ возлагалъ на старшаго сына—восемнадцатилѣтняго юношу, только что поступавшаго теперь, въ 1870 г. въ университетъ. Но, возвращаясь лѣтомъ этого года изъ Крыма въ свое имѣніе, Ушинскій засталъ

дома еще теплую могилу только лишь (въ день пріѣзда отца) схороненнаго сына. Несчастный юноша по нечаянности смертельно ранилъ себя на охотѣ. Это былъ послѣдній ударъ судьбы. Силы надломились, и 21 декабря того же 1870 года Ушинскаго не стало. Онъ умеръ въ Одессѣ, откуда прахъ его былъ перевезенъ въ Кіевъ.

Ярка жизнь Ушинскаго, блестящи и его литературные труды. Но какъ въ своей педагогической практикѣ, такъ и въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Ушинскій выдвигаетъ одинъ главный педагогическій принципъ—идею національизаціи школы. Мысль эта по преимуществу раскрывается въ статьяхъ «О народности въ общественномъ воспитаніи» и «Родное слово».

У каждаго народа, говоритъ Ушинскій, должно быть свое собственное народное воспитаніе, соотвѣтствующее сущности народнаго духа, народнаго характера; у каждаго народа должна быть и своя теорія воспитанія. Для доказательства этой мысли онъ обращается къ главнѣйшимъ народамъ Запада съ цѣлью уяснить, какія начала лежатъ въ основѣ воспитанія у каждаго изъ нихъ.

У нѣмца характерною чертою является наклонность къ отвлеченію и систематизаціи. Отсюда нѣмецкое воспитаніе стремится къ воспитанію философски образованнаго человѣка, который долженъ не только понимать вещи, но и умѣть опредѣлить ихъ и дать имъ мѣсто въ системѣ своихъ знаній. Въ крайнемъ своемъ развитіи эта система можетъ повести къ выработкѣ педантизма и сухого формализма.

Въ англійской школѣ многосторонность и систематичность познаній отодвигается на второе мѣсто. Главное здѣсь—воспитаніе характера, той привычки всегда владѣть и управлять собою, которая считается необходимою принадлежностію всякаго истиннаго джентльмена.

Главною цѣлію общественнаго воспитанія во Франціи является не богатство познаній, не сила характера, а скорѣе передача техническихъ, прикладныхъ знаній и

совершенствованіе въ этой области. «Внѣшній блескъ, тщеславіе и матеріальная польза»—таковы характерныя черты французской націи и ея воспитанія.

Такъ у каждаго народа свой духъ и своя педагогическая система. У каждаго народа есть свой идеалъ человѣка, отсюда вырабатывается и своя идея вопитанія. Раскрытіе этого идеала составляетъ главную задачу каждой народной литературы. «Всякій народъ въ своей литературѣ, начиная пѣснею, пословицей, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, по его понятію. Онъ украшаетъ этого идеальнаго человѣка всѣми лучшими качествами души своей». И этотъ идеалъ человѣка, по Ушинскому, всегда является выразителемъ степени самосознанія народа.

Въ силу всего этого, не можетъ быть системы воспитанія *общей* для всѣхъ народовъ; у каждаго народа должна быть своя—соотвѣтствующая его національной сущности. И только частностями изъ педагогическаго опыта другихъ народовъ мы можемъ пользоваться; что же касается до самыхъ основъ, цѣлей воспитанія, то онѣ должны носить чисто народный характеръ.

Черты народности запечатлѣваются даже въ наружности человѣка, и эти черты, а равно чувство народности неискоренимо живутъ въ человѣкѣ. «Есть примѣры ненависти къ родинѣ, но сколько любви иногда бываетъ въ этой ненависти! Взгляните на людей, поселившихся на чужбинѣ, и вы убѣдитесь вполнѣ какъ живуча народность въ тѣлѣ человѣка. Можно позабыть имя своей родины и носить въ себѣ ея характеръ».

Однимъ изъ лучшихъ выразителей народности и служитъ языкъ народа, родное слово его. «Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяются творческою силою народнаго духа въ мысль, картину, въ звукъ и небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины,

ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ».

Но въ свѣтлыхъ глубинахъ родного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. «Въ сокровищницу родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь.. Отнимите у народа все,—и онъ все можетъ воротить; но отнимите у него языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его»... Народъ тогда умретъ.

Въ силу такихъ свойствъ народный языкъ является «величайшимъ наставникомъ, который училъ народъ уже тогда, когда еще не было ни книгъ, ни школъ и продолжаетъ учить его до конца народной исторіи. Вотъ почему обученіе родному языку должно стоять на первомъ планѣ, какъ въ дѣлѣ воспитательномъ вообще, такъ и въ школьномъ курсѣ въ частности. Родной языкъ объяснитъ ребенку природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель. Изученіе родного языка «знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію». Въ изученіи родного языка и кроется первое условіе національзаціи воспитанія.

Другимъ условіемъ, способствующимъ народной постановкѣ воспитанія. Ушинскій считаетъ живое участіе

въ этомъ дѣлѣ самого общества. Воспитаніе тѣмъ скорѣе встанетъ на свою настоящую національную дорогу, если вопросами воспитанія займутся и, общественное мнѣніе, и литература: однимъ словомъ, общество должно близко къ сердцу принять педагогическіе вопросы, оно должно выяснить недостатки и нужды воспитательнаго дѣла, указать и средства удовлетворить ихъ. Только тогда воспитательная система народа выработаетъ свои собственныя народныя начала.

Наконецъ въ видахъ національзаціи, въ частности, нашей русской педагогіи Ушинскій настаиваетъ на необходимости изученія началъ нашей народной жизни и народнаго характера. Эти на чала и нужно имѣть въ виду, строя дѣло народнаго образованія. Въ связи съ этимъ Ушинскій дѣлаетъ попытку дать характеристику, правда—довольно общую и отвлеченную, русскаго народа, указать наиболѣе характерныя черты его. Вотъ эта характеристика. «Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые юридической строгости, меркантильной жестокости и разсчетливости западныхъ народовъ; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства, необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ, необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто безсознательная; наконецъ древняя православная религія съ ея всеміpно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія». Обиліе «природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства»

—этими данными Ушинскій въ другомъ мѣстѣ восполняетъ приведенную характеристику. Но во всякомъ случаѣ болѣе точнаго опредѣленія народныхъ началъ и указанія педагогическаго приложенія этихъ началъ у Ушинскаго мы еще не находимъ.

Изъ отдѣльныхъ мыслей, затронутыхъ въ педагогическихъ статьяхъ Ушинскаго, прежде всего слѣдуетъ остановиться на его опредѣленіи цѣли и задачъ воспитанія. По мнѣнію Ушинскаго, главную (но не единственную, конечно) задачу воспитанія составляетъ развитіе нравственной стороны питомца, и на первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія всегда долженъ стоять нравственный идеалъ человѣка,—идеалъ, для котораго основою должно служить богооткровенное христіанское ученіе. И мы смѣло высказываемъ убѣжденіе, говоритъ Ушинскій, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями, разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ.

Не допуская общей для всѣхъ людей педагогической системы и ставя главною задачею воспитанія—развитіе нравственной природы человѣка, Ушинскій естественно приходитъ къ мысли, что педагогика не наука, а искусство. Наука, по Ушинскому, имѣетъ дѣло съ истинами, обязательными для всѣхъ по законамъ общаго человѣческаго мышленія; не можетъ быть французской математики, англійскаго закона тяготѣнія и т. д. Положенія науки одинаковы у всѣхъ народовъ; не то въ педагогикѣ. Воспитаніе должно имѣть дѣло съ основою всякой народности—съ характеромъ человѣка, а характеры разнообразны до безконечности. Поэтому и педагогика не можетъ претендовать на обще-человѣческое и научное значеніе предлагаемыхъ ею средствъ воспитанія.

Дальше, вмѣстѣ съ Миллемъ, слѣдуетъ признать, что наука, имѣя дѣло съ фактами, должна говорить о томъ, что есть; искусство же указываетъ на то, что

должно быть. Отсюда педагогику и слѣдуетъ признать искусствомъ, такъ какъ она не изучаетъ того, что есть, а только указываетъ на то, что было бы желательно видѣть существующимъ. Но на практикѣ съ такимъ выводомъ не могъ согласиться и самъ Ушинскій. Онъ требуетъ, чтобы воспитаніе было національнымъ и чтобы оно опиралось на національныя особенности извѣстной народности, но данныя этого рода намъ можетъ доставить только этнографія - наука; значитъ, въ основѣ воспитательной системы должны лежать научныя данныя. Но этого мало. Ушинскій, очевидно, долженъ былъ признать, что въ основѣ воспитанія, кромѣ національныхъ данныхъ, должны лежать данныя науки о человѣческой природѣ объ общихъ свойствахъ и потребностяхъ человѣка. Вотъ почему Ушинскій и предпринимаетъ крупную работу въ данномъ направленіи, результатомъ чего явился его капитальный двухтомный трудъ. «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Здѣсь Ушинскій даетъ обширныя и строго по тогдашнему времени научныя данныя, какъ физіологіи человѣка, такъ и психологіи, и то и другое при этомъ—въ отношеніи къ воспитанію. Въ виду такого своего содержанія трудъ этотъ справедливо можетъ быть названъ педагогической антропологіей, какъ его называетъ и самъ авторъ.

Много и часто Ушинскій говоритъ о воспитывающемъ обученіи и воспитательной роли учителя, почему онъ является противникомъ предметной системы обученія, отдѣляющей учителя отъ класса. Самое же обученіе будетъ наиболѣе воспитывающимъ и развивающимъ въ томъ случаѣ, если ученику предоставляется возможно наибольшая самодѣятельность: не учить собственно нужно, а лишь помогать учиться. Наглядность при этомъ является лучшимъ средствомъ пробудить интересъ учащагося и пріохотить его къ работѣ, къ умственному труду. При такихъ условіяхъ школѣ не нужно будетъ принуждать учиться, и самая дисциплина, понимаемая

въ смыслѣ принудительнаго воздѣйствія на учениковъ, окажется ненужной.

Большія надежды въ дѣлѣ гуманизированія воспитанія Ушинскій возлагаетъ на женщину и для нея самой онъ требуетъ широкаго образованія. Получивъ его, она не должна уклоняться отъ своихъ воспитательскихъ задачъ. Женщинѣ, говоритъ Ушинскій, врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, вмѣстѣ съ тѣмъ даны для этого и необходимыя способности. Въ женскомъ характерѣ есть удивительно размягчающій элементъ, съѣдающій нечувствительно ту грубую кору, облекающую сердце, которая такъ упорно мѣшаетъ развитію мальчика заброшеннаго въ дѣтствѣ.

Другимъ представителемъ и защитникомъ идеи національной школы слѣдуетъ признать Стоюнина.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ (1826—1888 г.) происходилъ изъ простой и къ тому же обѣднѣвшей купеческой семьи. Строгая, степенная и нерѣдко нуждавшаяся семья наложила на него печать замкнутости и нѣкоторой застѣнчивости. По окончаніи гимназіи, Стоюнинъ поступилъ на восточный факультетъ Петербургскаго Университета, мечтая о дипломатической службѣ въ Персіи или Турціи. Первоначальная спеціальность его, такимъ образомъ, не была педагогическаго характера. Но семейныя обстоятельства заставили его взяться именно за учительскій трудъ, и онъ, по окончаніи университета, сдѣлался учителемъ словесности въ той гимназіи, гдѣ онъ самъ когда-то увлекался уроками словесности своего предшественника Власова. Увлекшись педагогическою дѣятельностію, Стоюнинъ отдается ей всею душею, близко интересуясь педагогическими вопросами; теперь начинается и литературная его дѣятельность. Въ 1871 г. Стоюнинъ принимаетъ предложеніе быть инспекторомъ классовъ Московскаго Николаевскаго Института, одною изъ цѣлей котораго было приготовленіе учительницъ и

воспитательницъ. Но здѣсь съ Стоюнинымъ повторяется исторія Ушинскаго. Честный и прямолинейный, горячо взявшійся за новое и близкое для него дѣло, Стоюнинъ не сумѣлъ угодить нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ и долженъ былъ, не смотря на сочувствіе цѣнившей его императрицы Маріи Александровны, покинуть институтъ.

Но Стоюнинъ не оставилъ педагогической дѣятельности. Его жена открываетъ въ Москвѣ частную женскую гимназію, и Стоюнинъ, вмѣстѣ съ женою, работаетъ въ гимназіи и какъ инспекторъ, и какъ преподаватель. До послѣднихъ дней своей жизни Стоюнинъ оставался вѣренъ своему дѣлу, и глубокая правда звучитъ въ его предсмертныхъ словахъ: «ну что же, я все-таки поработалъ»...

Модзалевскій называетъ Стоюнина «послѣдователемъ и продолжателемъ Пирогова». Но Пироговъ, какъ мы знаемъ, являлся сторонникомъ общечеловѣческихъ началъ воспитанія. Относительно же Стоюнина, самъ Модзалевскій признаетъ, что, по мнѣнію Стоюнина, «для насъ знакомство съ своимъ прошлымъ и съ условіями и потребностями чисто русскаго воспитанія гораздо важнѣе отвлеченныхъ теорій объ общечеловѣческомъ развитіи». (Эта мысль у Стоюнина наиболѣе рельефно развивается въ статьѣ «О развитіи педагогическихъ идей въ XVIII ст.»). Вотъ почему мы относимъ Стоюнина къ группѣ педагоговъ національнаго направленія, считая его ближе примыкающимъ къ Ушинскому. Отъ послѣдняго онъ отличается только тѣмъ, что въ большей сравнительно съ Ушинскимъ, степени отдаетъ должное значеніе общечеловѣческому элементу въ воспитаніи и нѣсколько точнѣе опредѣляетъ задачи *русской* школы.

Сущность педагогическихъ воззрѣній Стоюнина можно формулировать такъ. Школа можетъ правильно развиваться, жить правильною жизнію лишь подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы она воспитывала человѣка. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни человѣкъ явля-

ется гражданиномъ своего народа, то школа воспитывая человѣка должна воспитывать и гражданина; русская школа должна воспитывать русскаго гражданина.

Выходя изъ этого положенія, взгляды Стоюнина развиваются слѣдующимъ образомъ. Стоюнинъ присматривается къ новой, современной ему, преобразованной на западныхъ началахъ школѣ и видитъ, что она не оправдала надеждъ общества, не вызвала ожидаемыхъ восторговъ. Гдѣ же корень зла? Очевидно нѣмцы и другіе иностранцы, которые насъ просвѣщали относительно устройства школы, хотя и дали намъ много хорошаго тѣмъ не менѣе не все сказали, чего-то они не договорили. Именно, они не досказали, что «дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественнымъ положеніемъ, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, вызываясь требованіями времени, согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Этого нѣмцы намъ не сказали.

Что же нужно нашей школѣ, чтобы она сдѣлалась русскою? Нужно основать ее на почвѣ народной психологіи и исторіи, при ея организаціи принять во вниманіе характеръ и строй семьи, экономическія, климатическія и всякія другія условія нашей народной жизни. *Нужно согласовать школу съ русскими общественными потребностями*; она должна отвѣчать имъ, она должна удовлетворять ихъ. Въ чемъ же нужды, потребности русской жизни?

Мы русскіе, страдаемъ большимъ недостаткомъ. Мы не умѣемъ, да и не хотимъ согласовать нашу личную жизнь съ общественными дѣлами и интересами; мы жи-

вемъ по принципу «моя хата съ краю—ничего не знаю». Оттого у насъ въ общественной жизни и царятъ или произволъ или апатія. Наша обыденная жизнь показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло ясно войти въ сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить только для себя или на общественный счетъ, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда— вотъ пороки членовъ нашего общества. У насъ слишкомъ слабо развито чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ. Мы не привыкли къ свободному труду, мы не умѣемъ продуктивно пользоваться научными данными. Вотъ съ чѣмъ должна бороться русская школа, вотъ потребности, которыя она должна удовлетворить. Она должна пробуждать въ юношествѣ чувства законности и достоинства личности, пробуждать любовь къ научному изслѣдованію, стремленіе руководиться въ жизни научными данными; она должна вводить въ сознаніе учащихся начала общественной нравственности и пріучать къ труду. Только тогда изъ школы будутъ выходить «такіе люди, въ какихъ нуждаются и государство и общество».

Средствомъ проведенія національныхъ началъ въ школу является изученіе наукъ историческихъ и особенно словесныхъ. Русская исторія, а особенно русская словесность--вотъ эти науки должны занять первое мѣсто, особенно въ среднемъ образованіи. Только словесность нужно изучать не схоластическимъ методомъ, а живымъ, реальнымъ, основаннымъ на знакомствѣ съ самыми произведеніями нашей словесности, а чрезъ нихъ—и съ русскою жизнію, поскольку она выразилась въ идеальныхъ стремленіяхъ нашихъ писателей и нашего народа въ различные періоды нашей исторической жизни.

Среди задушевныхъ мыслей Стоюнина были мысли, которыя еще болѣе роднили его съ Ушинскимъ. Это—мысль о тѣсной связи, которая должна существовать между семьей и школой; далѣе—мысль о тѣснѣйшей

связи между нравственностью и знаніемъ. Вотъ почему, подобно Ушинскому, Стоюнинъ очень серьезно смотрѣлъ на постановку и женскаго образованія, какъ лучшей опоры всякой нравственности.

(*Западно русск. нач. школа № 9 за 1909 г.*).

Описаніе путешествія Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Бѣлостокскаго, по обозрѣнію церквей епархіи за время съ 21 сентября по 4 октября 1909 года.

Глава I-я. Брестъ—Шерешево.

Преосвященнѣйшій Владиміръ, Епископъ Бѣлостокскій, выѣхалъ изъ города Бреста въ 11 часовъ утра, 21-го сентября, отслуживъ литургію во вновь освященной церкви-часовнѣ во имя святаго мученика Аѳанасія Брестскаго. Погода стояла чудная, почти совершенно лѣтняя. Дорога шла по хорошему шоссе; по сторонамъ разстилались скошенныя поля, залитыя лучами яркаго солнца. 15 верстъ до мѣстечка *Чернавчицы* проѣхали незамѣтно, часа за полтора.

Къ 1 часу дня подъѣхали къ Чернавчицкой церкви. Тысячная толпа въ благоговѣйномъ безмолвіи ожидала Владыку. Многіе были съ возженными свѣчами. Храмъ былъ убранъ зеленью и цвѣтами. При выходѣ изъ коляски, Владыку встрѣтили и привѣтствовали съ хлѣбомъ-солью Турнянскій волостной старшина и участковый земскій начальникъ, князь Черкесовъ. Далѣе, въ церковной оградѣ, привѣтствовалъ Владыку церковный староста, также поднесшій ему хлѣбъ и соль. Выслушавъ привѣтствія и благословивъ хлѣбъ-соль, Владыка прослѣдовалъ въ церковь. Ученицы Чернавчицкой церковной школы путь до церкви устилали Владыкѣ цвѣтами. Въ храмѣ Владыку встрѣтили въ облаченіяхъ: о. Настоятель Протоіерей Калинскій, Каменецкій благочинный, Протоіерей Базилевскій, Покроской церкви свящ. I. Тарановичъ и два священника—зятья о. Протоіерея Калинскаго: изъ с. Тевли, Пружанскаго уѣзда, о. Щербинскій и изъ с. Семятичъ, Бѣльскаго уѣзда, о. Пилиховскій.

О. Настоятель, Протоіерей Калинскій произнесъ привѣтственную рѣчь, въ которой, отозвавшись о прихожанахъ какъ усердныхъ къ храму и къ церковно-школьному просвѣщенію и послушныхъ своему пастырю, въ тоже время указалъ, что среди прихожанъ, къ прискорбію, были единичные случаи отпаденія въ католичество, повлекшіе за собой преданіе отпадшихъ церковному отлученію. Послѣ обычной встрѣчи, Владыка обратился къ прихожанамъ съ краткой рѣчью, въ которой выразилъ свою искреннюю радость, что прихожане по отзыву ихъ настоятеля такъ хорошо и благочестиво настроены, что они имѣютъ столь благолѣпный храмъ и что въ приходѣ есть нѣсколько церковныхъ школъ, служащихъ нагляднымъ показателемъ ихъ добраго усердія къ церковной школѣ Въ тоже время Владыка старался выяснить, что кромѣ внѣшняго благочестія, для душевнаго спасенія каждому христіанину требуется еще и соотвѣтствующая внутренняя настроенность и особенно—спасительный подвигъ крестоноснаго служенія Господу по слову Евангелія: Аще кто хощетъ по мнѣ идти, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ. Владыка подробно остановился на раскрытіи мыслей евангельскаго изреченія и въ простой, доступной формѣ истолковалъ слушателямъ—что значитъ отвергнуться себя и какъ согласовать это отверженіе отъ себя съ заповѣданной любовію къ себѣ. Ясно и понятно Владыка выяснилъ, что подъ отверженіемъ отъ себя нужно понимать совлеченіе грѣховыхъ себялюбивыхъ стремленій, отсѣченіе и отверженіе страстей и бурныхъ похотей плоти—подвигъ для христіанина весьма трудный и осуществимый только при помощи Божіей. Закончилъ свою рѣчь Владыка пожеланіемъ всегда молиться Господу о ниспосланіи небесной помощи въ несеніи креста, а такъ какъ небесными ходатаями за насъ предъ Богомъ служатъ святые угодники Божіи, то необходимо просить ихъ о молитвенномъ предстательствѣ къ Богу.

Тотчасъ послѣ этого былъ отслуженъ Владыкой мо-

лебенъ Святителю Николаю Чудотворцу, въ память коего сооруженъ Чернавчицкій храмъ.

По выходѣ изъ храма, Владыка посѣтилъ древнюю Чернавчицкую церковь во имя святыя мученицы Параскевы. По приходской лѣтописи, эта церковь считается построенной въ 1736 году, и такимъ образомъ она насчитываетъ 172 года своего существованія.

Церковь хорошо сохранила остатки старины. Владыка остался повидимому очень доволенъ чистотою храма и общимъ видомъ иконостаса, при чемъ особенное вниманіе Владыка обратилъ на хорошо выдѣлявшіяся рѣзныя золоченыя кисти винограда на царскихъ вратахъ.

Пока Владыка осматривалъ церковь, учительница женской церковной школы Г. Щербинская со своими ученицами уже ожидала Владыку въ церковной школѣ. При входѣ Владыки въ школу, дѣти дружно пропѣли „Исполла".

Преподавъ всѣмъ общее благословеніе Владыка поинтересовался узнать познанія учащихся по Закону Божію и самъ спрашивалъ дѣвочекъ читать молитвы. Ученіе въ школѣ только что началось. За каникулы дѣти успѣли многое перезабыть, но они все же твердо читали молитвы и хорошо уясняли смыслъ молитвенныхъ выраженій. Общими отвѣтами учащихся Владыка остался очень доволенъ и похвалилъ дѣтей за ихъ усердіе и любовь къ изученію главнѣйшаго предмета въ школѣ—Закона Божія. Учительница Щербинская показывала затѣмъ Владыкѣ рукодѣльныя работы учащихся—шитье и вязанье. Особенно выдѣлялось отличнымъ изяществомъ голубое шелковое напрестольное облаченіе, бывшее на школьной выставкѣ въ Кіевѣ и удостоенное похвальнаго отзыва. Благословивъ дѣтей и раздавъ каждой ученицѣ на молитвенную память о своемъ посѣщеніи по крестику, Владыка прослѣдовалъ изъ церковной школы въ школу министерскую, гдѣ былъ встрѣченъ почтеннымъ учителемъ школы, прослужившимъ уже 25 лѣтъ и украшеннымъ медалью. И здѣсь Владыка также испытывалъ

познанія учащихся по Закону Божію, при чемъ оказалось, что ученики министерской школы знали молитвы нисколько не хуже учениць школы церковной, чѣмъ Владыка остался очень утѣшенъ. На память о своемъ посѣщеніи Владыка роздалъ всѣмъ учащимся краткія „Наставленія въ вѣрѣ“—изданіе Епархіальнаго училищнаго Совѣта.

Въ 4 часу дня Владыка выѣхалъ изъ Чернавчицъ по направленію къ Каменецъ-Литовску. Въ 6 верстахъ отъ Чернавчицъ проѣхали деревушку *Баранки.* Замѣчательная деревушка. 7 лѣтъ назадъ здѣсь сильно пропагандировалась штунда, проповѣдникомъ которой былъ здѣсь отставной флотскій матросъ. Личнымъ вліяніемъ и смѣлой пропагандой онъ сумѣлъ при жизни сгруппировать вокругъ себя нѣсколько послѣдователей. Но съ его смертію исчезли всякіе слѣды опаснаго сектантскаго ученія, и въ деревнѣ Баранкахъ установилось самое мирное благополучіе. Очевидно раціоналистическія бредни туго прививаются къ набожному и благочестивому бѣлорусскому люду, вѣками воспитанному въ правилахъ послушанія св. Церкви и пастырямъ. Невольно переносишься мыслью въ центръ Россіи, гдѣ всякая искра сектанскаго ученія мгновенно воспламеняется пожаромъ и быстро увлекаетъ маловѣрныхъ, не крѣпкихъ волей простецовъ. Въ этомъ отношеніи Западная Русь гораздо счастливѣе центра. Церковная дисциплина здѣсь строже и сильнѣе.

Проѣзжаемъ еще деревушку *Велдейки.* На дорогѣ выстроились ученики церковной школы. Какъ проѣхать мимо и не остановиться возлѣ бѣлокурыхъ мальчатъ, съ жадностью смотрѣвшихъ на архіерейскую коляску! Владыка вышелъ къ дѣтямъ благословилъ дѣтей, далъ каждому по крестику и велѣлъ крѣпко, крѣпко беречь эти крестики, какъ спасительное знамя вѣры Христовой, какъ знакъ нашей вѣры въ Распятаго.

Въ 12 верстахъ отъ Чернавчицъ еще деревня—*Ведомля.* Населеніе смѣшанное: православные и католики.

У околицы встрѣчаетъ Владыку толпа человѣкъ въ 200, вся какъ одинъ человѣкъ преклонившая колѣна. Представитель отъ жителей деревни привѣтствовалъ Владыку хлѣбомъ-солью. Владыка благословилъ хлѣбъ соль и побесѣдовалъ съ прихожанами объ ихъ нуждахъ. Оказалось, что въ деревнѣ нѣтъ церкви; нѣтъ и молитвеннаго дома. Жители собираются на молитву въ зданіе церковной школы, читаютъ псалтирь и поютъ молитвы и священныя пѣсни изъ Богогласника. Съ католиками православные живутъ мирно, въ любви и согласіи. Владыка выразилъ свое соболѣзнованіе жителямъ, лишеннымъ возможности молиться въ храмѣ, похвалилъ ихъ въ тоже время за ихъ крѣпкую и твердую вѣру, за ихъ любовь христіанскую и высказалъ пожеланія, чтобы они и впредь блюли православіе и жили въ мирѣ другъ съ другомъ ибо мы дѣти одного Отца Небеснаго.

Къ 8 часамъ вечера Владыка прибылъ въ мѣстечко *Каменецъ* (въ 37 верст. отъ города Бреста), бывшее нѣкогда городомъ, древнимъ политическимъ центромъ земли Берестейской. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1275—1276 г.г. о городѣ Каменцѣ содержатся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Двоюродный братъ Галицкаго князя Льва Даниловича Васильковича Владиміръ Васильковичъ (1268—1288 г.), тревожимый частыми набѣгами Ятвяговъ и Литовцевъ „нача себѣ думати, какъ-бы гдѣ за Брестьемъ поставить городъ“. Будучи книжникомъ и большимъ философомъ и при этомъ человѣкомъ весьма набожнымъ, онъ взялъ книги пророческія, разогнулъ ихъ и открылъ слѣдующее мѣсто: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя благовѣстити нищимъ.... и созиждутъ пустыни вѣчныя, запустѣвшія прежде воздвигнутъ и обновятъ грады пустыя“ (Ис. 61, 1—4). Прочитавъ это пророчество, князь, по сказанію Ипатьевской лѣтописи уразумѣлъ милость Божію до себе и началъ искать мѣста, гдѣ бы построить городъ. На легкихъ челнахъ онъ посылаетъ искуснаго мужа Алексу съ туземцами вверхъ по рѣкѣ Лѣснѣ для выбора мѣста. Въ 30

верстахъ отъ Брестья, и въ 12 вер. отъ Бѣловѣжской пущи, Алекса остановился и выбралъ здѣсь мѣсто для постройки города. Князь прибылъ сюда съ боярами и слугами, одобрилъ выборъ Алексы и велѣлъ расчищать мѣсто отъ лѣсовъ и приспособлять его къ постройкѣ города, который онъ назвалъ *Каменецъ*, „зане бысть земля каменна“ „И созда въ немъ столбъ-каменъ высотою 17 сажень, подобенъ удивленія всѣхъ зрящихъ нань“ и церковь поставилъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и украсилъ ее иконами золотыми и сосудами служебными-серебряными. Каменный столбъ, построенный княземъ Владиміромъ Васильковичемъ, цѣлъ и понынѣ. Съ подвалами и тайными ходами къ рѣкѣ, эта историческая башня, несмотря на 600 лѣтнюю давность, и донынѣ сохранилась въ полной цѣлости и съ своими амбразурами и зубцами высматриваетъ съ высокаго берега Лѣсны могучимъ и сильнымъ великаномъ.

Въ лѣтописяхъ позднѣйшаго времени о Каменцѣ находимъ неоднократныя упоминанія. Польскія короли Ягайло и Казиміръ неоднократно пріѣзжали въ Каменецъ лѣтомъ на охоту. Въ 1409 г. здѣсь представлялся Ягайлѣ посолъ папы Александра V, особою буллою извѣщавшаго короля о своемъ избраніи и просившаго признать его главою Латинской церкви. Въ 1378 году ѳевтонцы сожгли Каменецъ. Отъ города уцѣлѣла только башня. Тогда же сгорѣла и церковь Благовѣщенія, построенная набожнымъ основателемъ города княземъ Владиміромъ Васильковичемъ. Мѣсто, гдѣ стояла эта церковь, и донынѣ чтится въ народной памяти. Это такъ называмая Клодучая гора. Гора эта занята нынѣ двумя еврейскими мельницами, но между ними на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда приносилась безкровная жертва Богу, память народная водрузила крестъ.

По маршруту, въ Каменцѣ должно быть завтра 22-го Архіерейское служеніе литургіи. Сегодня—всенощное бдѣніе. Многочисленная толпа народа ожидала Владыку у церкви еще съ 6 часовъ вечера. Встрѣча была самая

торжественная. Храмъ Сумеона Столпника былъ весь иллюминованъ. Въ темномъ сумракѣ наступавшей ночи онъ хорошо выдѣлялся съ вершины горы своимъ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. При выходѣ изъ коляски, Владыку привѣтствовалъ хлѣбомъ-солью предстивитель отъ прихожанъ-крестьянинъ, въ короткой, но складной рѣчи благодарившій Владыку за прибытіе въ древнюю колыбель православія. Въ храмѣ Владыку встрѣтили въ облаченіяхъ—благочинный о. Протоіерей Базилевскій, настоятель церкви, священникъ Иларіонъ Будиловичъ, безприходный священникъ Петръ Скальскій и с. Великой Ельни о. Кипріанъ Желѣзовскій.

О. настоятель привѣтствовалъ Владыку краткою рѣчью, въ которой, выразивъ свою радость по поводу посѣщенія Владыкой древняго града Каменца, повѣдалъ ему, какъ онъ выразился,—свои „немощи и печали". Со скорбью отмѣтилъ почтенный о. настоятель начавшую развиваться въ приходѣ деморализацію населенія, въ пережитые годы освободительнаго движенія подвергшагося зловредной пропагандѣ со стороны нѣкоторыхъ агитаторовъ. И что особенно печально—дѣятельное участіе въ этой пропагандѣ принимали учащіе Каменецкой министерской школы [1]).

Послѣ встрѣчи, началось служеніе всенощной. Благолѣпный древній храмъ при вечернемъ освѣщеніи производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ полонъ молящихся. Пѣвчіе любители пѣли стройно. Невольное вниманіе останавливалъ на себѣ чудный ликъ древней иконы Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ на горнемъ мѣстѣ, по преданію сохранившейся еще отъ 17-го столѣтія. Икона эта прежде находилась въ сгорѣвшемъ въ 1747 году Христо-рождественскомъ храмѣ. Задняя сторона липовой доски иконы обгорѣла и обуглилась, но ликъ остался совершенно цѣлымъ и неповрежденнымъ.

---

[1]) Учитель Лось Дирекціей уволенъ отъ службы.

Благодарные и вѣрущіе прихожане тогда же, послѣ пожара, соорудили серебрянную, впослѣдствіи вызолоченную ризу съ массивными вѣнцами.—Кромѣ этой чтимой иконы, въ храмѣ есть другая, также чтимая икона Знаменія Божіей Матери, относящаяся по преданію къ 1640 году

Всенощная окончилась въ 11 ч. Тихая теплая ночь спустилась надъ Каменецемъ.

На другой день въ $9^1/_2$ ч. угра—служеніе литургіи въ Симеоновскомъ храмѣ.

Въ служеніи со Владыкой принимали участіе--благочинный, о. протоіерей Базилевскій, настоятель церкви о. Иларіонъ Будиловичъ, с. Великаго лѣса о. Павелъ Плескацевичъ, и изъ с. Кругеля о. Емельянъ Дружиловскій. Пѣли очень стройно. Храмъ едва могъ вмѣстить всѣхъ молящихся. Но къ прискорбію отсутствовали учащіеся школы министерской. Учителя школы не пожелали ради пріѣзда Владыки освободить дѣтей отъ занятій.

За литургіей слово сказано о. настоятелемъ, священникомъ Иларіономъ Будиловичемъ. Исходя изъ мысли, что настоящій праздникъ пріѣздъ и служеніе Владыки связано непосредственно съ торжествомъ освященія церкви—часовни во имя священномученика Аѳанасія въ г. Брестѣ, проповѣдникъ говорилъ о почитаніи святыхъ угодниковъ, какъ небесныхъ предстателей за насъ предъ Богомъ, и въ частности о св. Аѳанасіи Брестскомъ, какъ ревностномъ подвижникѣ благочестія и мученикѣ за вѣру православную.

По окончаніи литургіи, былъ совершенъ Владыкй крестный ходъ вокругъ храма.

По совершеніи крестнаго хода, Владыка обратился къ прихожанамъ съ глубоконазидательнымъ словомъ.

Высказавъ свою радость о томъ, что прихожане по свидѣтельству ихъ пастыря въ общемъ благочестиво настроены Владыка выразилъ скорбь, что среди нихъ

появились проповѣдники ложныхъ безбожныхъ ученій, старающіеся уловить въ свои сѣти чадъ церкви Христовой.

„Весьма радъ - приблизительно говорилъ Владыка, что пастырь Вашъ свидѣтельствовалъ о васъ добрѣ, какъ о прихожанахъ усердныхъ къ храму и заботящихся о его благолѣтіи. Но глубоко скорблю, что среди васъ появились люди, негодные и злые, смущающіе и колеблющіе умы и сердца простодушныхъ. Эти волки хищные, губящіе стадо. Но что дѣлать?.. Въ семьѣ не безъ урода. И среди учениковъ Христовыхъ былъ Іуда — измѣнникъ и предатель; среди Ангеловъ были злые духи, возгордившіеся на Бога и подвергшіеся изгнанію съ неба. Тѣмъ болѣе общество послѣдователей Христовыхъ немыслимо безъ худородныхъ членовъ. И еще ап. Павелъ сказалъ, что въ большомъ домѣ Божіемъ, т. е. въ церкви Христовой есть сосуды не только золотые и серебрянные, но и деревянные и глиняные" (2 тим. 2, 20). Злые люди - еретики, лжеучители были и въ первыя времена церкви Христовой. Они были, есть и будутъ во всѣ времена жизни церкви до послѣдняго, страшнаго суда Господня. Хорошо о нихъ сказано во 2-мъ посланіи ап Петра: „И у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси... и многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и будутъ уловлять васъ льстивыми словами. Но -- предостерегалъ св. апостолъ - судъ имъ давно готовъ и погибель ихъ не дремлетъ. Ибо, если Богъ ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но связавъ узами ада передалъ блюсти на судъ для наказанія и если не пощадилъ перваго міра, но навелъ потопъ на людъ нечестивыхъ, въ восьми душахъ сохранивъ семейство Ноя, проповѣдника правды, и если города Содомъ и Гомору осудивъ на истребленіе, превратилъ въ пепелъ, показавъ примѣръ будущимъ нечестивцамъ,—то тѣмъ болѣе не пощадитъ Господь этихъ еретиковъ и лжеучителей (2 п. 2, 1—6). Имъ давно готовъ судъ Божій. На страшномъ судѣ Божіемъ они дадутъ отвѣтъ за всякое лукавое и неправедное слово и будутъ подлежать вѣчному огню. Судъ

свой надъ ними Богъ исполнитъ, ибо у него не станетъ ни одинъ глаголъ.

Самое ихъ ученіе пустое, обольстительное, глаза у нихъ исполнены любострастія и грѣха, сердце ихъ пріучено къ любостяжанію, они по всей справедливости— „сыны проклятія“ (2 п. 2, 14) „Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурею“. Имъ готовъ мракъ вѣчный. Лучше бы имъ совсѣмъ не родиться, лучше бы не познавать совсѣмъ пути правды, нежели познавши возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди. И горе, горе имъ за соблазнъ неповинныхъ, ибо и Христосъ Спаситель сказалъ, что кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ тому лучше повѣсить на шею жерновъ каменный.

Не лжеучителямъ надо вѣровать, а евангелію, книгѣ жизни, вмѣщающей въ себѣ глаголы живота вѣчнаго. Чаще нужно читать евангеліе и если въ немъ покажется что непонятнымъ, то во всѣхъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ нужно обращаться къ Богомъ дарованному пастырю. Непрошенныхъ же лжеучителтй нужно избѣгать и отвращаться.

Молитвами святого Симеона Столпника, небеснаго покровителя вашего, да укрѣпитъ васъ Господь въ твердой и крѣпкой православной вѣрѣ, въ святыхъ обычаяхъ отеческихъ въ мирѣ и единевіи съ пастыремъ и послушаніи святой Христвой церкви„.—

Глубоко назидательная рѣчь Владыки, сказанныя въ простой доступной формѣ обильно подкрѣпляемая словомъ Божіимъ, видимо производила на слушателей глубокое впечатлѣніе. Всѣ слушали слово Владыки съ напряженнымъ вниманіемъ; на глазахъ у женщинъ были слезы.

Часа въ 3, послѣ трапезы у о. настоятеля, выѣхали изъ Каменца по направленію къ Шерешеву. На пути проѣхали деревню *Чемеры* (прихода села Тополи). Владыка посѣтилъ храмъ во имя Благовѣщенія. При входѣ въ церковную ограду Владыка былъ встрѣченъ хлѣбомъ

солью. Въ храмѣ священникъ о. Иларіонъ Рожковскій привѣтствовалъ Владыку краткою рѣчью. Въ встрѣчѣ принималъ участіе Шерешевскій благочинный о. Михаилъ Виноградовъ.

По совершеніи обычной литіи, Владыка обратился къ прихожанамъ съ краткою рѣчью, въ которой выяснилъ необходимость для христіанина молитвы въ храмѣ Божіемъ: „Спаси васъ Господи за добрую встрѣчу вашу, за хлѣбъ соль ваши. Вижу, что вы вѣры твердой, храмъ Божій любите. Пріятно слышать отъ Вашего пастыря, что храмъ Божій поновленъ усердіемъ и трудами вашими. Церковь молится за тѣхъ, кто любитъ благолѣпіе дома Божія. Да и Богъ любитъ тѣхъ, кто заботится о Его жилищѣ, ибо здѣсь Его престолъ; здѣсь Онъ невидимо присутствуетъ съ небесными силами. Самъ Господь во время земной жизни любилъ посѣщать храмъ Іерусалимскій и вы знаете, быть можетъ, какъ однажды Онъ похвалилъ усердіе вдовицы, положившей свою лепту въ сокровищницу дома Божія. Пріятно слышать и ваше доброе общее пѣніе, коимъ вы воздаете славу Создателю. Господь Богъ молитвами и предстательствомъ Пресвятыя Богородицы да сохранитъ и укрѣпитъ васъ въ православной вѣрѣ“.

Въ храмѣ присутствовали ученики народной школы. Владыка спрашивалъ ихъ читать молитвы и благословилъ ихъ, далъ имъ всѣмъ по кресту.

Верстахъ въ 12 отъ Чемеръ—село *Рѣчицы*. Въ храмѣ Владыка былъ привѣтствованъ о. настоятелемъ священникомъ Ѳомою Балаушевичемъ. Въ краткой рѣчи о. настоятель высказалъ, что духовное общеніе паствы со своимъ Архипастыремъ достигаетъ нынѣ, при живой личной бесѣдѣ, особенно яркаго своего выраженія и просилъ Владыку вознести молитвы за него и за паству.

Послѣ встрѣчи Владыка обратится къ прихожанамъ съ краткимъ словомъ, въ которомъ изложивъ въ доступной формѣ житіе дневного святого, священномученика Ѳоки, какъ свѣтильника вѣры и подвижника благочестія

убѣждалъ слушателей по примѣру святого, крѣпче стоять за свою святую вѣру.

Черезъ 6 верстъ отъ Рѣчицъ—деревня *Вѣжна*. На самой дорогѣ—церковь. Древній храмъ, построенный еще въ 1714 г., недавно стараніемъ прихожанъ былъ отремонтированъ. Народъ не былъ предупрежденъ о пріѣздѣ Владыки. Встрѣчавшихъ было мало. Заштатный священникъ Левъ Теодоровичъ, почтенный старецъ, встрѣтилъ Владыку въ храмѣ. Пѣвчія дѣвушки подъ руководствомъ псаломщика исполнили нѣсколько пѣснопѣній и съ пѣніемъ проводили Владыку до коляски. Встрѣча и проводы были теплы и задушевны.

Ѣдемъ по направленію къ Шерешеву. Ужъ совсѣмъ смеркалось, когда въѣхали въ большой Шерешевскій лѣсъ, тянущійся на нѣсколько десятковъ верстъ и имѣющій связь съ Бѣловѣжской пущей. Ночь свѣжо дышала. Великаны деревья въ темнотѣ казались чудовищами. Огромныя вѣтви елей и сосенъ, пугаясь съ неуклюжими лапами дуба, совсѣмъ застилали отъ глазъ небо, кое—гдѣ мерцавшее сіяніемъ звѣздъ.

Наконецъ въ 9 часовъ вечера пріѣхали въ Шерешово.

(Продолженіе будетъ).

Выборы члена Государственной Думы въ г. Гроднѣ 24 октября 1909 года.

По Высочайшему повелѣнію отъ 2 октября сего 1909 года въ Гродненскомъ губернскомъ избирательномъ собраніи 24-го минувшаго октября были произведены выборы одного члена Государственной Думы отъ населенія губерніи вмѣсто умершаго П. С. Соловья.

Изъ общаго числа 106 выборщиковъ къ выборамъ не явились 2 за смертію, а 9 по неизвѣстнымъ причинамъ. Явились 95 выборщиковъ.

Вечеромъ 22 октября и днемъ и вечеромъ 23 октября русскіе выборщики имѣли предвыборныя собранія

подъ руководствомъ избраннаго ими предсѣдателя въ Гродненскомъ Народномъ Домѣ, гдѣ весьма многіе изъ нихъ имѣли и пріютъ на все время выборовъ.

Членомъ Государственной Думы избранъ крестьянинъ-земледѣлецъ дер. Раневичи, Волковыскаго уѣзда, Свислочской волости, Борисъ Семеновичъ Янушкевичъ, окончившій курсъ ученія въ народномъ училищѣ и успѣшно продолжившій свое самообразованіе дома, стойкій и убѣжденный православный русскій человѣкъ.

Янушкевичъ прошелъ голосами православныхъ русскихъ выборщиковъ, дѣйствовавшихъ, за малымъ исключеніемъ, согласно и дружно. Объявленіе выборщиками-поляками за полчаса до начала выборовъ окончательнаго расторженія существовавшаго при выборахъ во 2-ую и 3-ью Гос. Думы русско-польскаго блока, имѣвшее цѣлью провалъ здѣсь русскаго дѣла, желаемымъ для поляковъ результатомъ не увѣнчалось. Напротивъ, оно послужило къ полному, съ одной стороны, самоуниженію поляковъ, предъ рѣшительнымъ боемъ измѣнившихъ своему „гоноровому“ слову и письменному обязательству, въ свое время подписанному ими же на бумагѣ, и къ полному, съ другой стороны, торжеству здѣсь русскаго имени. Русскіе выборщики не убоялись неожиданной измѣны своихъ союзниковъ по блоку-поляковъ, безъ колебаній рѣшили, до конца отстаивая своего кандидата—Янушкевича, ринуться въ баллотировочный бой съ противниками на два фронта—полякями и евреями и одержали полную побѣду.

Съ отраднымъ сознаніемъ свято исполненнаго долга и своей собственной силы въ губерніи возвращались русскіе выборщики на мѣста, неся съ собой въ то-же время во всѣ углы губерніи окончательное разочарованіе въ полякахъ и полное впредь къ нимъ и ко всѣмъ ихъ увѣреніямъ недовѣріе. Еще въ Гроднѣ слышно было среди православныхъ русскихъ выборщиковъ жестокое негодованіе противъ поляковъ за ихъ злую выходку—измѣну на выборахъ, а на ряду съ ними—и про-

тивъ своихъ же братьевъ по имени—православно-русскихъ выборщиковъ, поддавшихся вліянію поляковъ и евреевъ и принявшихъ ихъ соблазнительное предложеніе поставить на баллотировку свою кандидатуру вопреки слову, данному на предвыборныхъ собраніяхъ всѣми вообще русскими выборщиками, дѣйствовать единодушно и дружно въ пользу намѣченнаго кандидата—Янушкевича и своей кандидатуры ни въ коемъ случаѣ не выдвигать. Конечно, злой умыселъ самозванныхъ кандидатовъ, непризнанныхъ представителей православно-русскаго населенія губерніи, къ ихъ позору и, думается, великому душевному огорченію, успѣхомъ не увѣнчался. Такъ, въ то время, какъ изъ 95 шаровъ Янушкевичъ получилъ избирательныхъ 63 и неизбирательныхъ 31, кандидаты, выдвинутые поляками и евреями, какъ выгодные и желательные для нихъ, и своей кандидатуры съ баллотировки не снявшіе, получили—кр-не: одинъ избирательныхъ 44, неизбирательныхъ 50, другой избирательныхъ 40, неизбирательныхъ 54 и третій избирательныхъ 39, неизбирательныхъ 55 и потому съ шумомъ провалились. Засѣвшая въ ихъ умѣ, какъ нѣчто весьма привлекательное, мечта о членствѣ въ Гос. Думѣ лопнула какъ мыльный пузырь, еще разъ весьма наглядно показавъ всѣмъ, что за малымъ исключеніемъ, православно-русскіе выборщики уже научились съ должнымъ вниманіемъ свято исполнять долгъ избранія въ Гос. Думу лучшихъ людей изъ своей среды, крѣпкихъ св. вѣрой православной и любовью къ Царю и Отечеству, и вполнѣ сознали ту непреложную истину, что въ разумномъ согласіи, прочномъ единеніи и взаимномъ довѣріи другъ къ другу вѣрныхъ сыновъ великой православно-русской семьи нашей Гродненской губ. наша здѣсь не только самозащита, но даже по праву могущая повелительно здѣсь господствовать наша государственная мощь и сила.

Да растетъ же богато и обильно въ глубь и ширь это великое сознаніе во всемъ православно-русскомъ населеніи нашей губерніи! Да будетъ здѣсь православно-

русскій человѣкъ во главѣ, а не въ хвостѣ! Тогда всѣмъ здѣсь будетъ дышать свободнѣе и жить легче и лучше. Тогда и будущіе выборы въ Гос. Думу, въ которыхъ русскимъ выборщикамъ, какъ и въ этотъ разъ, придется итти въ выборной компаніи однимъ, безъ союзниковъ, не будутъ для насъ страшными и для нашего дѣла опасными.

Православнымъ русскимъ выборщикамъ, честно потрудившимся въ выборахъ 24 октября и славно исполнившимъ свой священный долгъ предъ вѣрой православной, Царемъ Державнымъ и Русью святою,—честь и слава!

Выборщикъ К. М.

„Съ какого-бы-то-нибыло конца".

Говорятъ что на всемъ земномъ шарѣ найбольше всего докторовъ—совѣтчиковъ.

Почти нѣтъ такого человѣка, который не подалъ-бы какого-нибудь совѣта.

Докторскаго совѣта я, быть можетъ, и неподамъ, а посовѣтовать какъ сельскій фельдшеръ—могу.

Въ напечатанной въ № 40 Епарх. Вѣд. замѣткѣ „не съ того конца" я нахожу ошибку. Дѣло въ рублѣ, а не въ концѣ. Съ какого-бы-то-нибыло конца начинать, лишь бы пріобрѣсти рубль. Нужно каждому прежде всего научиться беречь деньги. А для этого слѣдуетъ завести *копилку* и смотрѣть въ *оба*, чтобы нигдѣ зря не ушла ни одна копѣйка. Такою копилкою и будетъ потребительская лавка. Каждый будетъ покупать у себя, и переплачивать себѣ и переплоченное получать назадъ въ видѣ дивидента. Чрезъ это 4 обывателя заведется необходимый рубль, обладая которымъ онъ и можетъ вступить въ члены „приходскаго Банка".

Не то ли самое начало положено въ основаніе нашего свѣчнаго завода?

Не такъ ужъ дорого стоитъ завести лавку. Примѣры на лицо. Дайте еврею 100 рублей и у него готова лавка. Дѣло въ честныхъ, знающихъ и недорогихъ работникахъ. Лавки вездѣ и всегда пользуются кредитомъ, тѣмъ болѣе если за нихъ ручается цѣлое общество. Сельская потребительская лавка будетъ содержать такіе товары, которые нужны обывателю ежедневно, слѣдовательно и кредитоваться придется ненадолго по разъ забраннымъ матеріаламъ. Обмѣнъ товаровъ на деньги можетъ совершаться каждую недѣлю.

Но не все время сельскому обывателю есть надобность въ потребительской лавкѣ. Онъ, какъ и всякій человѣкъ, иногда и полѣнится заняться дѣломъ и пойдетъ въ трактиръ (теперь трактиры есть и въ деревнѣ), узнать новости, гдѣ увидитъ и соблазнительную *сотку*, и бутылку пива и булку и селедку и колбасу. Быть можетъ найдутся и играющіе въ *спички*. Соблазнился обыватель—и ушли пятаки потомъ добытые въ продолженіе дня.

Вотъ тутъ—то должна помочь вторая *копилка*-- читальня съ хорошимъ руководителемъ.

Одалживаніе денегъ подъ самые даже минимальные проценты приноситъ пользу только людямъ старательнымъ.

А сколько ихъ есть въ наше время?

Среди—насъ большой процентъ такихъ, которые только думаютъ одолжить, а отдавать не ихъ дѣло!

Чѣмъ виновата семья, если хозяинъ растратилъ одолженное? Поэтому очень непріятно, больно для слуха и сердца право товарищества о привудительномъ взысканіи съ неаккуратнаго должника.

Вотъ вамъ, читатели, и мой рецептъ, а составить по немъ лѣкарство можетъ опытный врачъ.

с. Городискъ. Свящ. *І. Самойловичъ.*

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

Печатать разрѣш. 1909 г. 13 ноября. И. д. цензора, прот. *П. Дедевичъ.*
Гродненская Губернская Типографія.